

Д.А. Краснов - председатель правления Московской коллегии адвокатов №1 АП г. Москвы

ОБУЗДАНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ 1970-Х ГГ. ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исторический контекст

В современной России проблема обуздания преступности среди несовершеннолетних выходит на первый план. Задача стоит непростая: одновременно реформировать правоохранительную систему (в этом плане широко обсуждается вопрос о введении ювенальной юстиции), а также привлечь широкие слои общественности к решению детских проблем, в том числе в плане профилактики молодежной преступности. Но как именно организовать взаимодействие органов юстиции с общественными институтами, какие механизмы и способы могут быть здесь действенными и эффективными? На наш взгляд, при решении ответов на поставленные вопросы немаловажно изучать и творчески перерабатывать уже накопленный международный и отечественный опыт, в том числе в рамках позднего СССР. Недостатки разработки современного законодательства заключаются в слабой исторической экспертизе, в недостаточной опоре на исторический материал, в результате чего мы порою продолжаем "наступать на те же грабли".

С точки зрения опыта борьбы с подростковой преступностью особый интерес, на наш взгляд, представляет период начала 1970-х гг. В контексте задач 3-й Программы КПСС (1961) состояние преступности среди несовершеннолетних вызывало тревогу и оказалось предметом особого внимания со стороны властей. Принятое в 1960 г. новое, более "либеральное" по сравнению с предыдущим, законодательство с 1970-х гг. уже начало в полной мере работать. Помимо буквы закона, сложилась определенная практика его применения, которая до сих пор не изучена. Важно также подчеркнуть, что в этот период начинается систематический сбор и изучение статистических данных по преступности в СССР в целом, и по молодежной преступности в частности. Это сказалось на репрезентативности современной источниковой базы.

Согласно официальной советской статистике, в конце 1950-х наблюдалась тенденция к снижению преступности, в том числе и подростковой. Задача закрепления этой тенденции увязывалась руководством страны с реформированием сталинской "репрессивной" юстиции в сторону ее "либерализации", с акцентом на профилактику преступности и максимального задействования общественно-воспитательных возможностей советского общества. В 1960 г. принимаются новые общесоюзные Основы уголовного законодательства и Уголовный кодекс РСФСР, ориентированные одновременно на десталинизацию и на намеченный руководством страны переход к коммунизму. Ставка делалась на постепенный перенос центра тяжести борьбы с преступностью с правоохранительной системы и мер принуждения - на сознательность большинства советских граждан и меры общественного контроля и воздействия на нарушителей. В этом смысле новое законодательство в известном смысле опережало свое время. Оно принималось в чем-то "на вы-

рост", исходя из идеальных представлений о человеке. "Либеральное" законодательство впервые в такой степени дифференцировало меры воздействия на оступившихся подростков. В частности, оно инициировало и предусматривало широкие возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с применением мер общественного воздействия. В идеале, как видно из источников, речь шла об индивидуальном подходе к провинившемуся, с учетом его возраста, биографии, среды и родителей, характера нарушения и проч.

Для того времени это был безусловно прогрессивный эксперимент, привлекательный, но и не менее сложный с точки зрения практической реализации. Для решения проблем подростковой преступности планировалось задействовать все государственные и общественные силы и возможности. Ставка делалась на то, что проблему будут решать "всемирно". Однако на практике начался параллелизм в работе, в результате чего оказывалось, что "у семи нянек дитя без глаза". В 1970-е гг. центр тяжести сместился в сторону координации деятельности государственных и общественных институтов, отвечающих за борьбу с подростковой преступностью.

Однако единого координационного центра, который бы получил всю полноту ответственности по решению проблем подростковой преступности, так и не было создано.

Как видно из документов, в целом к началу 1970-х гг. ситуация сложилась крайне неоднозначная. Если в одних случаях и в отдельных регионах были достигнуты определенные успехи, то в других общественный контроль за оступившимися подростками, а также взаимодействие государственных и общественных институтов носили формальный характер. А это приводило порою к обратному результату. Многие также упиралось в человеческий фактор. К примеру, законодательство можно было изменить в одночасье, однако "либерализовать" привычки, представления и отношение людей, работавших в милиции, судах, прокуратуре, в одночасье было невозможно. Между тем, как следует из документов, именно от воспитанных в прежней системе сотрудников во многом зависела правоприменительная практика. Тем самым на деле новое "либеральное" законодательство опосредовалось целым рядом факторов и обстоятельств.

Но возникал и другой, не менее важный вопрос: а было ли в полной мере готово советское общество к такого рода либерализации законодательства? Не воспринималось ли это, по крайней мере, частью граждан как проявление слабости государства? Не давала ли переориентация с репрессивных мер на меры убеждения и воспитания слишком много лазеек для того, чтобы в конечном счете избежать наказания? И не вело ли это к усилению чувства вседозволенности среди части граждан?

Подобные опасения, судя по всему, оказались не напрасными. Как видно из источников, либерализация законодательства повлекла за собой не сокращение, как

ожидалось, а рост преступности. Так, согласно официальным данным, рост общеуголовной преступности в СССР с 1961 по 1990 гг. составил 370%. Доля преступности несовершеннолетних в период с 1960 по 1986 колебалась от 10 до 12 % в год, а с 1986 по 1990 она выросла до 16% (1). При этом в 1960-е гг. среднегодовой прирост преступности в СССР составлял 1,3%, а в 1970-е гг. уже 3,6 %. Преступность несовершеннолетних росла параллельно со взрослой. Это подтверждается и обнаруженными нами архивными документами Минюста РСФСР, согласно которым молодежная преступность в 1973-1975 году росла на 8-10% в год (2).

Рост подростковой преступности не был секретом для руководства правоохранительных органов и партийных инстанций. Министерство юстиции РСФСР, Комиссия по делам несовершеннолетних при Совете Министров РСФСР с 1971 по 1975 гг. провели ряд комплексных обследований и проверок, направленных на установление причин и условий, способствовавших росту преступности в молодежной среде. Результатами стали сохранившиеся в фонде Минюста РСФСР в ГАРФ аналитические записки и письма - рекомендации по устранению негативных явлений. В них ситуация характеризовалась достаточно откровенно и объективно, приводилось много конкретных примеров. Однако выводы зачастую не выходили за рамки общих идеологических установок тех лет. Тем не менее, эти источники являются крайне информативными для изучения советского прошлого, а также актуальными и поучительными для сегодняшнего дня.

Аналитическая записка Минюста РСФСР 1975 г. и ее последствия

Особый интерес представляет аналитическая записка "О работе органов юстиции и судов по предупреждению фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность", подготовленная в 1975 г. Управлением судебных органов МЮ РСФСР для руководителей министерства (3). В ней отмечалось, что удельный вес несовершеннолетних среди всех осужденных в 1975 г. являлся самым высоким за последние 5 лет. При этом значительное число преступлений было совершено несовершеннолетними под влиянием взрослых. "В 1973-1974 гг. из числа осужденных подростков каждый четвертый, а за такие опасные преступления как разбой, грабеж, изнасилование и хулиганство - каждый третий, совершили преступления в группе с участием взрослых, причем групповая преступность имела тенденцию к росту; в 1974 г число преступлений, совершенных подростками совместно со взрослыми, увеличилось против 1973 г. на 12,3%" (4), - отмечалось в записке. Это означало, что специфические проблемы молодежной преступности при всем желании не могут эффективно решаться вне общей ситуации в обществе и во "взрослой" преступной среде.

Ознакомившись с вышеуказанной запиской, руководство Министерства юстиции РСФСР направило в нижестоящие органы юстиции и суды РСФСР письмо от 09 сентября 1975 г. (5)

В нем приводились недостатки, указанные в аналити-

ческой записке, а также предлагались конкретные меры по их устранению. Какие же направления деятельности по совершенствованию борьбы с преступностью несовершеннолетних были выделены Минюстом в качестве приоритетных?

Судебная система

Министерство юстиции указало на то, что суды редко используют предусмотренную новым законодательством возможность передавать условно осужденных подростков на перевоспитание трудовым коллективам и общественным воспитателям. Согласно письму, "на перевоспитание трудовым коллективам передается лишь 6-8 % осужденных условно подростков, а переданы общественным воспитателям лишь единицы" (6). Помимо этого, министерство обратило внимание на то, что суды допускают грубейшие ошибки процессуального и материального права при рассмотрении дел несовершеннолетних. С высоты Минюста причины виделись в ослаблении контроля и требовательности к судьям, а также в недостаточной работе по разъяснению им новых возможностей законодательства, в слабом распространении положительного опыта. Но если это так, то можно было ставить вопрос о профессионализме судебского корпуса, о нежелании судей перестраиваться или даже об известном противодействии с их стороны. Естественно, ничего подобного в документе 1975 г. не говорилось.

В дополнении к вышеуказанному письму была подготовлена записка министра юстиции РСФСР Блинова от марта 1975 г., адресованная в Президиум Верховного Совета РСФСР (7). В ней, пытаясь заручиться поддержкой руководства республики, министр обратил внимание на еще одну важную проблему - необходимость следования предусмотренной законом специализации судей и народных заседателей. Блинов настаивал на том, чтобы судьями, рассматривающими дела несовершеннолетних, назначались на постоянной основе наиболее опытные профессионалы, а народными заседателями - профессиональные педагоги, воспитатели, лучшие производственники. С высоты сегодняшнего дня эту меру можно назвать первым шагом к созданию в СССР ювенальной юстиции.

Не скрывая недостатки в подведомственной ему системе, министр откровенно информировал Президиум ВС РСФСР о том, что суды редко пользуются своими полномочиями, предоставленными законом, чтобы не ограничиваться рассмотрением конкретного уголовного дела, а влиять на ситуацию вне зала заседания. В частности, они слабо реагируют на невыполнение родителями своих обязанностей, на недостатки воспитательной работы школ, ПТУ, предприятий и организаций. Более того, оказалось, что суды формально исследуют причины и условия, способствующие совершению подростками преступлений, не всегда выносят определения по их устранению, слабо контролируют исполнение определений, что влечет за собой рост рецидивной и обычной преступности. Министр также сообщал, что суды редко наказывают лиц, вовлекающих подростков в совершение преступлений. В целом по РФ "количество выявленных взрослых организаторов и подстрекателей составляет

лишь третью часть от числа, осужденных за преступления, совершенные вместе с подростками". Причем, зачастую "наказание взрослым подстрекателям и организаторам назначается судами менее суровое, чем несовершеннолетнему преступнику" (8). Из этого документа можно сделать два вывода. Во-первых, что министр весьма широко трактовал функции судей, призывая их не ограничиваться рассмотрением материалов уголовных дел по существу, а выходить за их рамки, заниматься профилактической работой и проч. Во-вторых, судя по обращению министра в ВС, новые требования не всегда встречали понимание со стороны судей. Это был вопрос не только привычки, но и возросшей нагрузки.

Комиссии по делам несовершеннолетних

Наряду с судами, особая роль в борьбе с подростковой преступностью возлагалась на разветвленную систему региональных комиссий по делам несовершеннолетних при местных Советах во главе с Комиссией по делам несовершеннолетних при Совете Министров РСФСР. В фонде Минюста РСФСР в числе прочих сохранилась записка Комиссии по делам несовершеннолетних при СМ РСФСР о состоянии и мерах по усилению борьбы с преступностью несовершеннолетних (9). Из содержания документа следует, что комиссии координировали всю профилактическую деятельность местных правоохранительных органов и культурно-просветительных и воспитательных учреждений в отношении как всей молодежи, так и "трудных подростков". При этом центр тяжести профилактики лежал в области "формирования коммунистической нравственности и повышения правовой культуры".

На бумаге все обстояло неплохо. Контроль за трудными подростками осуществлялся со всех сторон. Но на практике ситуация выглядела не столь радужной, поскольку многие меры зачастую принимались формально, "для галочки". Из 250 тыс. подростков, состоявших к 1975 г. в России на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних, в категорию "трудных" попали более 75 тыс. чел., то есть, примерно одна треть (10). К ним требовался особый подход и особый контроль, но, как видно из записки, многие из "трудных" не имели ни положенных шефов, ни общественных воспитателей. Более того, многие из них были предоставлены сами себе: "15,6% несовершеннолетних правонарушителей не занимались общественно полезным трудом и не учились" (11). По терминологии тех лет, это называлось "паразитическим существованием". Комиссия по делам несовершеннолетних при Совете Министров РСФСР нацеливала местные комиссии на проведение индивидуальной работы с трудными подростками, причем для этого планировалось привлекать лучших производственников, активистов-общественников, студентов педагогических вузов и других учебных заведений.

Особая надежда возлагалась на формирование института общественных воспитателей, которых предполагалось персонально прикреплять к трудным подросткам. Но многое опять-таки упиралось в конкретных людей: кто-то будет "вытаскивать" подопечного из полукриминальной среды, а другой "махнет рукой". Эффект, как

правило, достигался в том случае, если общественный воспитатель неформально подходил к делу. Об этих вопросах шла речь и в письме Министра юстиции РСФСР - председателю Комиссии по делам несовершеннолетних при Совмине РСФСР от 17 мая 1973 г., озаглавленном "О недостатках в работе комиссий по делам несовершеннолетних с общественными воспитателями" (12). В критическом тоне в нем констатировалось, что, невзирая на значительное число безнадзорных подростков, многие комиссии по делам несовершеннолетних не проводят должным образом профилактику молодежной преступности, не помогают родителям в воспитании "трудных" детей, не назначают им в помощь общественных воспитателей и т.д.

Имелись факты, когда общественные воспитатели не назначались Комиссиями даже тогда, когда их назначение подросткам, совершившим преступление и осужденным условно, было признано необходимым по приговору суда. Или же, напротив, комиссии по делам несовершеннолетних назначали общественным воспитателем гражданина "насиленно", невзирая на его нежелание принять на себя эти обязанности. Порою вопросы о назначении воспитателя решались заочно, без приглашения на заседание комиссии ни самих подростков или их родителей, ни намеченных воспитателей. Особенно много проблем возникало при переезде состоявших на учете подростков на новое место жительства. Серьезные недостатки имелись в организации контроля за деятельностью общественных воспитателей и поведением переданных под их контроль подростков.

Семейные проблемы

Изучая причины роста детской преступности в начале 1970-х гг., Министерство юстиции РСФСР признало одним из основных факторов неблагополучия - рост "взрослых" и семейных проблем в обществе, ведущих к безнадзорности подростков (алкоголизм, разводы, невыполнение родителями обязанностей по воспитанию детей, насилие в семье и др.) Беспокойство вызывала коррозия семьи как основной ячейки общества, увеличение числа детей, рожденных вне брака и воспитывавшихся только одним родителем (как правило, матерью).

За период с 1954 по 1974 гг. количество разводов выросло в России в 8 раз и составило 319 на каждую тысячу браков, причем половина распавшихся семей имели детей. Помимо этого, несколько тысяч человек ежегодно лишались родительских прав в судебном порядке. Вследствие этих причин общее число российских подростков, имевших одного родителя, составило к середине 1970-х гг. несколько миллионов человек. Ситуация усугублялась тем, что после развода ушедшие из семьи родители зачастую переставали участвовать в воспитании детей и помогать им материально в добровольном порядке. Так, в 1974 г. с 323 тыс. родителей были взысканы алименты по суду, а 12 тыс. чел. были привлечены к уголовной ответственности как злостные неплательщики алиментов (13).

Неудивительно, что в неблагополучных и неполных семьях по статистике было больше трудных детей. Согласно данным Комиссии по делам несовершеннолетних

при СМ РСФСР, только по России "в 1974 году в детские комнаты милиции, за совершение мелких краж, хулиганство, бродяжничество и др. правонарушения были доставлены 282 тыс. подростков (до 18 лет), или на 7 тысяч больше, чем в 1973 г. На учете в органах милиции состояло 260 тыс. несовершеннолетних правонарушителей, причем каждый третий из них воспитывался с одним родителем. Ежегодно количество таких семей увеличивалось" (14).

Статистика начала 1970-х гг. свидетельствовала о том, что почти половина правонарушений в РСФСР совершалась подростками, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. В архивных документах имеются сведения о том, что в приобщении детей к алкоголю во многих случаях повинны их родители-алкоголики. Органами милиции было взято на учет 108 тыс. таких семей, с которыми предполагалось проводить соответствующую работу (15).

Из документов видно, что государство видело недостаточную эффективность своей деятельности в этом направлении и настаивало на расширении своих контролирующих и регулирующих полномочий. В частности, Комиссия по делам несовершеннолетних при Совете Министров РСФСР лоббировала внесение изменений в законодательство об усилении ответственности родителей за уклонение от обязанностей по воспитанию и содержанию детей, а также выступала за расширение практики изъятия детей из неблагополучных семей в детдома. Понятно, что при этом вопрос о пределах вторжения в личную и семейную жизнь не поднимался.

Воспитательная и профилактическая работа с разными категориями молодежи

По сравнению со школьниками учащиеся ПТУ и работающие подростки всегда рассматривались как более "неблагополучный" контингент молодежи. Однако, как видно из архивных документов, к середине 1970-х гг. эта тенденция "сглаживалась" настолько, что по удельному весу "трудных" в общей численности школьники быстро "догоняли" учащихся ПТУ. По данным Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров РСФСР, в середине 1970-х гг. "учащейся молодежью совершалось 43,9% всех преступлений несовершеннолетних, причем учащиеся общеобразовательных школ составляют 46% прироста несовершеннолетних преступников" (16).

Изменение положения дел в немалой степени было вызвано курсом на обязательное среднее образование, когда нежелающих учиться подростков тянули в следующий класс "за уши". "Второгодничество", по признанию педагогов, превратилось в это время в массовую проблему. Достаточно сказать, что по официальным данным в 1973 г. в РСФСР было 194 тыс. "второгодников" (17). Неудивительно, что среди "второгодников" из числа учащихся общеобразовательных школ оказалось больше всего правонарушителей. Педагогическими коллективами РСФСР была осуществлена обширная программа практических мер по ликвидации массового второгодничества" (18), - говорилось в одном из документов, сохранившемся в фонде Минюста РСФСР. Однако

существенных результатов эти программы дать не могли. Неудивительно, что по данным Минюста в ряде областей РСФСР рост преступности в среде учащихся подростков произошел в это время наполовину или полностью именно за счет "второгодников".

Большая надежда в это время возлагалась на правовое просвещение школьников. В частности, в 1973-74 учебном году в нескольких сотнях школ ряда регионов РСФСР начался эксперимент по изучению нового курса "Основы Советского государства и права". А с сентября 1975 г. этот предмет стал обязательным и повсеместным. Неблагополучной оставалась в это время и ситуация среди учащихся ПТУ. По запросу Президиума Верховного Совета РСФСР в августе 1971 г. Министерство юстиции РСФСР подготовило справку о правонарушениях, совершаемых учащимися ПТУ. Согласно этим данным пэтэушники, в зависимости от региона РСФСР, составляли от 21 до 30% всех подростков, осужденных в судебном порядке (19). Но по некоторым видам преступлений, например, по хулиганству и хищению личного имущества, этот процент был еще выше.

Высокая преступность и судимость среди учащихся ПТУ объяснялась рядом причин, к которым, в частности, относилась сложившаяся практика "выдавливания" из обычных школ в ПТУ уже состоящих на учете в милиции за разные правонарушения и плохо успевающих подростков. Среди пэтэушников было особенно много выросших в неблагополучных семьях. В отличие от школьников, часть учащихся ПТУ из числа приезжих проживала не в семье, а в общежитиях, ставших рассадником антиобщественных проявлений. Досугом таких подростков порою никто не занимался. Несмотря на сложный контингент учащихся, контроль и воспитательная работа в ПТУ были налажена слабо. В документах Минюста отмечалось, что во многих училищах среди подростков распространены сквернословие, пьянство, мелкое хулиганство и другие антиобщественные проявления. Причем они стали настолько обыденным явлением, что редко бывают предметом обсуждения и порицания со стороны педагогов.

Широкое распространение получило и изготовление учащимися во время работы в мастерских или прохождения производственной практики ножей, кинжалов, кастетов и др. предметов, предназначенных для нанесения телесных повреждений. К учащимся, допустившим аморальные поступки, не связанные с нарушением УК, нередко не принимались никакие меры дисциплинарного либо воспитательного характера. Имели место и факты сокрытия правонарушений, поскольку они портили благополучную статистику. Наконец, Минюст располагал данными о том, что должностные лица ПТУ не реагировали на поступившие в их адрес частные определения суда и не принимали должных мер к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Несмотря на все усилия, никак не удавалось сократить преступность и среди работающих подростков 16-17 лет. Согласно данным Комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров РСФСР, в 1970-е гг. они составляли примерно одну треть всех осужденных малолеток (20). Эти данные свидетельствовали о неблагополу-

ции среди рабочей молодежи, о неудовлетворительной воспитательной работе на предприятиях и в организациях, особенно с небольшим количеством работающих. Зачастую нарушалось законодательство о труде молодежи, бытовали равнодушие и формализм, не получало широкого размаха движение наставничества, подростки не вовлекались в общественную жизнь трудовых коллективов. По статистике большинство правонарушений совершалось работающими подростками в начальный период их трудовой деятельности.

Выводы

Как видно из изученных нами документов фонда Министерства юстиции РСФСР в ГАРФ, руководство республикой и правоохранительные органы хорошо владели ситуацией в области подростковой преступности. Ими был разработан комплекс профилактических и воспитательных мер, направленных на предотвращение негативных явлений. Имелась и соответствующая законодательная база. Однако анализ правоприменительной практики дает основания говорить о том, что широкие возможности, предоставлявшиеся новым законодательством, часто не использовались. Другая проблема заключалась в отсутствии четкой координации действий как разных государственных ведомств между собой, с одной стороны, так и государственных институтов и общественности, с другой. Третий круг вопросов, требующих решения в 1970-е гг., упирался в известные идеологические догмы и стереотипы. Поскольку едва ли не все указанные выше проблемы борьбы с подростковой пре-

ступностью остаются актуальными для сегодняшней России, советский опыт 1970-х гг. - положительный и отрицательный - должен быть востребован.

Источники:

(1) Преступность и правонарушения. Статистический сборник МВД за 1990 г. Москва, издательство "Финансы и статистика" Министерства информации и печати СССР. л.л. 5-6.

(2) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 17.

(3) ГА РФ, фонд А-353, Опись 17, Дело 586, л.л. 20-25.

(4) ГА РФ, фонд А-353, опись 17, дело 586, л. 17.

(5) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л.л. 32-33.

(6) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 18.

(7) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. л. 14-19.

(8) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 28.

(9) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л.л. 8-13.

(10) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 13.

(11) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 12.

(12) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 282, л.л. 106-109.

(13) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 10.

(14) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 10.

(15) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 11.

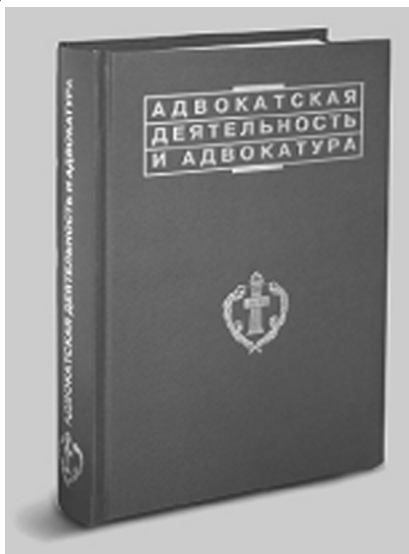
(16) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 9.

(17) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 10.

(18) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 10.

(19) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дела 8, л. 255.

(20) ГА РФ, фонд А 353, опись 17, дело 586, л. 12.

Законодательство об адвокатуре: полная версия

Вышел в свет сборник нормативных актов и документов "Адвокатская деятельность и адвокатура". Издание подготовлено Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Фондом поддержки и развития адвокатуры "Адвокатская инициатива".

В сборник вошли международные документы, определяющие статус и правовое положение адвоката, законодательные акты Российской Федерации об адвокатуре, указы Президента РФ и нормативные акты Правительства РФ, министерств и ведомств.

Значительный раздел составляют судебные решения, касающиеся отдельных аспектов адвокатской деятельности и защиты прав адвоката.

В последнем разделе содержатся акты Федеральной палаты адвокатов.

Заказать сборник "Адвокатская деятельность и адвокатура" можно в Фонде "Адвокатская инициатива" и в редакции "Новой адвокатской газеты".

Объем - 650 страниц.

Цена книги 350руб.

Для читателей "Новой адвокатской газеты" оформивших подписку через редакцию на 2011 год - 300руб.

Тел. (495) 787-28-35. Факс. 787-28-36. E-mail: AGpodpiska@mail.ru